

КОРОЛЕВСКАЯ ДИНАСТИЯ УЭССЕКСА

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий», хотя словарь, разумеется, не является истиной в последней инстанции. В упомянутом словаре приводятся написания, относящиеся примерно ко времени правления Альфреда — 871–899 годам н. э.; к примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейте». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен.

Афен — река Эйвон, Уилтшир
Беардан-Игге — Бардни, Линкольншир
Бebbанбург — Бамбург, Нортумберленд
Бедехэл — Биднелл, Нортумберленд
Бемфлеот — Бенфлит, Эссекс
Беоргфорд — Берфорд, Оксфордшир
Ботульфстан — Бостон, Линкольншир
Буккестан — Бакстон, Дербишир
Вилтунскир — Уилтшир

- Винтанкестер* — Винчестер, Гемпшир
Воднесфилд — Веднесбери, Западный Мидленд
Гевэск — залив Уош
Глевекестр — Глостер, Глостершир
Гримесби — Гримсби, Линкольншир
Дифлин — Дублин, Ирландия
Дунхолм — Дарем, графство Дарем
Кеодр — Чеддер, Сомерсет
Коддесволдские холмы — Котсволдские холмы, Глостершир
Корнуолум — Корнуолл
Кумбраланд — Камбрия
Ликкелфилд — Личфилд, Стаффордшир
Линдисфарена — Линдисфарн (Холи-Айленд), Нортумберленд
Линкольн — Линкольн, Линкольншир
Лунден — Лондон
Мэрс — река Мерси
Острова Фарнеа — острова Фарн, Нортумберленд
Пенкрик — Пенкридж, Стаффордшир
Сестер — Честер, Чешир
Сестерфельда — Честерфилд, Дербишир
Сирренкастр — Сайренсестер, Глостершир
Скеапиг — остров Шеппей, Кент
Снотенгахам — Ноттингем, Ноттингемшир
Сэферн — река Северн
Темез — река Темза
Теотанхель — Теттенхолл, Западный Мидленд
Тофкестер — Таустер, Нортгемптоншир
Тэмвортиг — Тэмворт, Стаффордшир
Уиск — река Эск
Фагранфорда — Фейрфорд, Глостершир
Фланебург — Фламборо, Йоркшир
Фойрт — река Форт, Шотландия
Хайтабу — Хедебю, Дания
Хамбр — река Хамбер, Хумбер
Холм Эска — Ашдон, Беркшир
Эксанкестер — Эксетер, Девон
Эофервик — Йорк, Йоркшир
Этандун — Эдингтон, Уилтшир

Часть первая

АББАТ

Глава первая

Было пасмурно. Небо создали боги, оно отражает их настроение. В тот день боги хмурились. Стояла середина лета, но с востока налетел холодный дождь. Похоже на зиму.

Я сидел на Молнии, своем лучшем коне. Это был жеребец, черный как ночь, но с серой полосой, сбегаящей по крупу. Его назвали в честь большой гончей, которую я принес некогда в жертву Тору. Мне не хотелось убивать пса, но боги жестоки: они требуют от нас жертв, а потом затыкают уши. Молния был здоровенным животным, могучим и злым — настоящий боевой конь. На левом боку у меня висел Вздох Змея, лучший из мечей, хотя против врага, с которым мне предстояло сойтись в тот день, не требовался ни меч, ни щит, ни топор. Но я все равно нацепил клинок, потому как Вздох Змея — мой товарищ. Он до сих пор при мне. Когда я умру, а это произойдет скоро, кто-то сомкнет мои пальцы вокруг кожаной оплетки потертой рукояти, и меч вознесет меня в Валгаллу, обитель душ воинов и высших богов, и мы будем пировать.

Но это случится не сегодня.

В тот же темный летний день я сидел в седле посреди разбитой улицы, обратившись лицом к врагам. Я слышал их, но не видел. Они знали, что я здесь.

Ширина улицы позволяла двум повозкам с трудом разминуться друг с другом. По обе стороны тянулись хиж-

ны, плетеные стены которых были заляпаны грязью. Их соломенные крыши почернели от дождей и густо поросли лишайником. Лошадь по бабки тонула в жиже из размотой колесами телег грязи и дерьма собак и свободно гуляющих свиней. Пронизывающий ветер гнал рябь по лужам в колеях, рвал выходящий из отверстий в крышах дым, донося запах горящих поленьев.

Со мной было двое спутников. Из Лундена я выехал во главе двадцати двух человек, но в эту пропахшую навозом и мокрую от дождя дыру меня привело дело личного свойства, поэтому большую часть своих людей я оставил в миле позади. За мной расположился Осберт, мой младший сын, на сером жеребце. Ему исполнилось девятнадцать, на нем была кольчуга, на боку висел меч. Парень стал уже взрослым мужчиной, но я продолжал думать о нем как о мальчишке. Меня он боялся, как я боялся своего отца. Некоторые матери балуют сыновей, но Осберт рос без матери, и я воспитывал его в строгости, так как мужчине полагается быть суровым. Мир полон врагов. Христиане учат нас любить врагов и подставлять другую щеку. Христиане — глупцы.

Рядом с Осбертом застыл Этельстан, незаконнорожденный старший сын Эдуарда, короля Уэссекса. Мальчишке стукнуло всего восемь, но, как и Осберт, он был облачен в кольчугу. Этельстан не боялся меня. Я попытался припугнуть его, но он только глянул на меня холодными синими глазами, потом ухмыльнулся. Я любил этого парнишку так же сильно, как Осберта.

Оба они приняли крещение. Я вел бой, который не мог выиграть. В мире смерти, предательства и нищеты христиане обречены на победу. Разумеется, старых богов до сих пор почитают, но их оттеснили в горные долины, потаенные места, к северным окраинам мира, тогда как христианство расплзается как чума. Пригвожденный Господь христиан всемогущ — я признаю это. Я всегда

знал, что их Бог обладает великой силой, и не понимал, почему мои боги позволяют ублюдку побеждать, но это так. Он лжец — вот единственное объяснение, которое приходит на ум. Распятый Бог шельмует и обманывает, а плуты и обманщики всегда выигрывают.

И вот я ждал на раскисшей улице, а Молния бил тяжелым копытом по луже. Поверх кожаного и кольчужного доспеха я набросил плащ из темно-синей шерсти с горностаевой оторочкой. На шее у меня висел молот Тора, а на голове возвышался шлем с волчьей мордой, прикрывающие щеки пластины были открыты. Дождь стекал с края шлема. Я надел кожаные сапоги и заткнул голенища тряпкой, чтобы влага не попадала внутрь, натянул боевые рукавицы. Руки унизаны золотыми и серебряными браслетами. Браслетами, которые воин получает, убивая врагов. Я был во всей своей славе, хотя неприятель, противостоявший мне, не заслуживал такой чести.

— Отец, — начал Осберт. — Что, если...

— Я обращался к тебе?

— Нет.

— Тогда молчи, — отрезал я.

Я не хотел этого показывать, но меня переполняла ярость. Гнев, не имеющий выхода, просто гнев на мир, на этот жалкий тусклый мир. Бессильный гнев. Враги прятались за закрытыми дверями и пели. Я слышал их голоса, хотя не различал слов. Они видели меня, без сомнения, как и то, что улица за моей спиной пуста. Обитатели этого городка не желали принимать участия в том, что случится.

Но что произойдет, я не знал и сам, хотя и стал причиной событий. А быть может, двери останутся запертыми и враги решат отсидеться в здании из прочных бревен? Наверняка именно этот вопрос собирался задать Осберт. Что, если враги не выйдут? Сын едва ли назвал бы их врагами — скорее сказал бы так: «Что, если они не выйдут?»

— Если они не выйдут, — проговорил я, — мне придется вышибить их проклятые двери, войти и вытащить ублюдка. Если до этого дойдет, вы двое останетесь здесь и будете держать Молнию.

— Да, отец.

— Я пойду с тобой, — заявил Этельстан.

— Пойдешь, если я тебе велю.

— Да, господин Утред, — почтительно отозвался мальчонка, но я знал, что он ухмыляется.

Мне не требовалось оборачиваться, чтобы уловить эту дерзкую ухмылку, но не обернулся я потому, что в этот миг пение прекратилось. Некоторое время спустя двери открылись.

Вышли сначала полдюжины старших, затем младшие. Я видел, как последние смотрят на меня, но даже вид Утреда, вождя во славе и гневе, не мог умерить их радости. Эти парни выглядели такими счастливыми: улыбались, хлопали друг друга по спине, обнимались и смеялись.

Шестеро стариков не смеялись. Они направились ко мне, я же не тронулся с места.

— Мне сказали, что ты господин Утред, — заговорил один из них.

Старик был одет в грубый белый балахон и подпоясан веревкой. Узкое, темное от загара лицо бороздили морщины, особенно глубокие вокруг глаз и у рта. Седые волосы падали на плечи, а борода спускалась до пояса. Физиономия его показалась мне лукавой, вместе с тем в нем чувствовалась властность. Видимо, это был церковник высокого ранга — в руке он держал тяжелый посох, увенчанный узорчатым серебряным крестом.

Я молчал, разглядывая молодежь. По большей части то были мальчишки или мальчишки, недавно ставшие мужчинами. Макушки, где им выбрили волосы, блестели в тусклом свете дня. Вот из дверей вышло несколько чело-

век постарше. Я предположил, что это родители мальчиков-мужчин.

— Господин Утред, — снова начал церковник.

— Я заговорю с тобой, когда буду готов говорить, — буркнул я.

— Едва ли это случится, — заявил он, обратив ко мне крест, будто тот мог меня напугать.

— Прополощи свой поганый рот козлиной мочой, — прикрикнул я на него.

Наконец я заметил юнца, которого искал, и ударом каблуков бросил Молнию вперед. Двое из старейшин попытались меня задержать, но жеребец клацнул своими зубищами, и церковники отшатнулись. Лучшие копейщики данов разбегались перед Молнией, шестеро же стариков разметало, как хлебные крошки. Я направил скакуна в толпу молодежи, наклонился и ухватил черную рясу одного из юнцов. Подняв, я швырнул его животом на луку седла и коленями развернул коня.

Тут и начались сложности. Двое или трое из юнцов попытались помешать мне. Один схватил жеребца за уздечку. То была ошибка, большая ошибка. Клацнули зубы, мальчик-муж вскрикнул, я вздыбил коня, и тот замолотил передними копытами. Я слышал, как одно из них с хрустом ударило в кость, увидел брызнувшую кровь. Молния, обученный двигаться, чтобы не дать противнику спутать задние ноги, кинулся вперед. Я подгонял его, заметив упавшего человека с раскроенным черепом. Другой болван схватил меня за правый сапог в расчете стянуть с седла. Я с силой опустил кулак, и хватка ослабла. Потом вызов мне бросил человек с длинными седыми волосами. Он кинулся за мной в толпу, веля отпустить пленника, после чего, как дурак, замахнулся тяжелым серебряным крестом на длинной палке в сторону головы Молнии. Но привычный к бою конь легко увернулся, я же склонился, схватил посох и вырвал его из рук старика.

Но тот не сдавался: изрыгал проклятия, вцепился в узду скакуна и попытался подтащить жеребца поближе к юнцам. В этой куче меня, надо полагать, рассчитывали одолеть числом.

Я вскинул посох и с силой опустил его, пользуясь нижним концом как копьём. Я не знал, что тот увенчан железным наконечником, вероятно с целью втыкать крест в землю. Я хотел только оглушить глупца, но вместо этого посох погрузился ему в голову, пробив череп. Мрачный серый день обагрился кровью. К христианским небесам вознеслись вопли, я бросил посох, и одетый в белое — а теперь в белое с красным — человек остался стоять, покачиваясь. Рот его открывался и закрывался, глаза блестя, а христианский крест торчал из головы. Длинные седые волосы стали красными, потом он упал. Просто рухнул, как камень.

— Аббат! — взвился крик.

Я ударил Молнию в бока, и конь устремился вперед, раскидав последних юнцов. Их матери завизжали. Лежащий поперек моего седла пытался вырваться, и едва мы выбрались из толпы на пустую улицу, я резко ударил его по шее.

Этот парень был моим сыном. Моим старшим сыном. Его звали Утред, сын Утреда, и я слишком поздно прискакал из Лундена, чтобы помешать ему стать священником. Бродячий проповедник, один из тех длинноволосых, с нечесаной бородой попов с глазами безумца, которые выманивают у глупцов серебро в обмен на благословение, сообщил мне о решении сына.

— Весь христианский мир возрадуется, — заявил он, лукаво глядя на меня.

— Чему возрадуется? — спросил я.

— Тому, что сын твой станет священником! Через два дня, как я слышал, в Тофкестере.

Этим и занимаются христиане в своих церквях — плодят колдунов, превращая мальчиков в чернорысих

попов, которые будут распространять это дерьмо еще дальше. И вот мой сын, мой старший сын, стал теперь проклятым христианским священником. Я снова ударил его.

— Ублюдок, — прорычал я. — Черноутробный ублюдок. Предатель, маленький идиот!

— Отец... — заикнулся он.

— Я тебе не отец! — взвыл я.

Выбрав на улице особо зловонную кучу навоза, сочившуюся влагой у стены сарая, я подъехал ближе и швырнул Утреда в нее:

— Ты не мой сын. И имя тебе не Утред.

— Отец...

— Хочешь, чтобы Вздох Змея коснулся твоего горла? — крикнул я. — Если желаешь быть моим сыном, скинь этот проклятый черный балахон, надень кольчугу и делай то, что я тебе скажу!

— Я служу Господу.

— Тогда выбирай себе собственное проклятое имя. Больше ты не Утред Утредсон. — Я повернулся в седле. — Осберт!

Младший направил жеребца ко мне. Вид у парня был встревоженный.

— Отец?

— С этого дня тебя зовут Утредом.

Он посмотрел на брата, потом на меня и неохотно кивнул.

— Как твое имя? — спросил я.

Юнец поколебался, но, видя мой гнев, снова кивнул:

— Меня зовут Утред, отец.

— Ты — Утред Утредсон, мой единственный сын!

Однажды, давным-давно, подобное случилось и со мной. Отец, которого звали Утредом, нарек меня Осбертом, но когда моего старшего брата, тоже Утреда, убили даны, мне дали новое имя. В нашей семье так заведено:

старший сын наследует родовое имя. Моя мачеха, глупая баба, во второй раз даже окрестила меня, сказав, что иначе охраняющие небесные врата ангелы не узнают моего нового имени. Меня засунули в бочку с водой, но христианство, хвала Иисусу, смылось — я обрел старых богов и до сих пор почитаю их.

Пятеро старших священников нагнали меня. Я знал двоих из них, близнецов Сеолнота и Сеолберта. Лет тридцать назад мы вместе были заложниками в Мерсии. Нас, мальчишек, пленили северяне: судьба, которая устраивала меня, но вызывала отвращение у близнецов. Теперь они превратились в стариков: два похожих как две капли воды попа крепкого сложения, седобородые, с искаженными гневом круглыми лицами.

— Ты убил аббата Витреда! — прокричал мне один.

Он был потрясен, взбешен, почти невменяем от ярости. Я понятия не имел, который это из близнецов, потому как никогда не умел различать их.

— И лицо отца Бургреда изуродовано! — верещал второй.

Он двинулся, словно намереваясь ухватить жеребца за узду, и я быстро развернул коня, чтобы братьям грозили большие желтые зубы, изукрашившие лицо недавно рукоположенному священнику. Близнецы отпрянули.

— Аббат Витред! — простонал первый. — Он был святым человеком, никто не сравнится бы с ним!

— Он напал на меня, — ответил я.

На самом деле у меня не было намерения убивать старика, но указывать на это близнецам не имело смысла.

— Кара ждет тебя! — провозгласил один из них. — Ты будешь проклят на веки вечные!

Второй протянул руку несчастному юнцу в навозной куче и окликнул:

— Отец Утред!

— Его зовут не Утред! — рявкнул я. — И если он осмелится величать себя так, — с этими словами я посмотрел

на парня, — то я найду его, вспорю живот до костей и скормлю черные потроха своей свинье. Это не мой сын. Он не достоин быть моим сыном!

Человек, недостойный быть моим сыном, с сочным чавканьем оторвался от навозной кучи. С него стекало дерьмо.

— Тогда как же меня называть? — поинтересовался он.

— Иудой, — с насмешкой бросил я.

Меня растили как христианина и пичкали историями про святых, поэтому я знал про Иуду, предавшего распятого Бога. Мне эти сказки всегда казались бессмысленными. Бог позволил пригвоздить себя к кресту, чтобы стать спасителем людей, и в то же время христиане ненавидят человека, сделавшего эту смерть возможной. Помоему, им стоит почитать его как святого, но они клеймят его предателем.

— Иудой, — повторил я, довольный, что вспомнил имя.

Юнец, бывший моим сыном, помолчал, потом кивнул.

— Отныне зовите меня отцом Иудой, — объявил он близнецам.

— Ты не можешь наречь себя... — начали Кеолнот и Кеолберт.

— Я — отец Иуда, — заявил парень твердо.

— Ты будешь отцом Утредом! — крикнул ему один из близнецов, потом указал на меня. — У него нет здесь власти! Он язычник, отщепенец, проклятый Богом!

Поп трясся от злости и едва мог говорить, но потом сделал глубокий вдох, закрыл глаза и воздел обе руки к хмурому небу.

— О Бог! — возопил он. — Обрушь гнев свой на этого грешника! Покарай его! Сгни урожай его и порази его недугом! Яви силу свою, Господи! — Голос чернорясого сорвался на визг. — Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я проклиная этого человека и весь корень его!

Священник собирался с силами, я же тронул Молнию коленями, подведя могучего коня на шаг ближе к брызжущему слюной дураку. Я злился не меньше близнецов.

— Прокляни его, Господи! — снова взвыл поп. — И по великой милости Твоей низвергни сего язычника! Прокляни его и всю родню его, да не знать им никогда благодати! Обреки его, о Всевышний, на грязь, боль и нищету!

— Отец! — воскликнул тот, кто был моим сыном.

Этельстан хмыкнул, а Утред, мой единственный сын, ахнул. Потому что я пнул вопящего дурака. Высвободил правую ногу из стремени и нанес удар тяжелым сапогом. Поток слов оборвался, сменившись потоком крови. Близнец отшатнулся, правая ладонь его зажимала изуродованный рот.

— Зубы сплюнь! — приказал я, а когда он не подчинился, наполовину извлек Вздох Змея.

Поп сплюнул смесь из крови, слюны и осколков зубов.

— Ты который из вас? — уточнил я у другого близнеца. Тот вытаращился на меня, потом спохватился:

— Кеолнот.

— Ну, теперь я хотя бы смогу различать вас, — буркнул я.

На отца Иуду я не посмотрел, просто ускакал прочь. Домой.

* * *

Наверное, проклятие Кеолберта сработало, потому как дома меня ждали смерть, дым и разорение. Кнут Ранулфсон совершил набег на мои земли. Он сжег дом. Убил моих людей. И он взял в плен Сигунн.

Все это выглядело невероятным в те дни. Мои владения располагались близ Сирренкастра, в сердце Мерсии. Шайка конных данов, рискуя жизнью и свободой, забралась так далеко, чтобы напасть на мой дом. Это я мог

понять. Победа над Утредом позволяла составить мужчине имя, давала поэтам повод сочинять хвалебные песни, но враги объявились, когда дом стоял почти пустой. Они ведь наверняка высылали разведчиков. У них обязательно имелись соглядатаи среди местного населения. Лазутчики должны были сообщить врагу, что меня вызывали в Лунден к королю Эдуарду посоветоваться насчет городских укреплений. И все же они, пойдя на страшный риск, напали на почти пустой дом? Бессмыслица.

И они забрали Сигунн.

Мою женщину. Не жену. После смерти Гизелы я не взял новую супругу, хотя любовницы у меня имелись. Этельфлэд была моей любовницей. Этельфлэд была женой другого и дочерью покойного короля Альфреда, и мы не могли создать семью. Вместо нее со мной жила Сигунн, и Этельфлэд это знала.

— Не будь Сигунн, — сказала она мне однажды, — ты взял бы другую.

— А возможно, дюжину других.

— Не исключено.

Я захватил Сигунн в Бемфлеоте. Она была из данов — стройная, белокожая красавица-данка. Она рыдала по убитому мужу, когда ее вытащили из канавы, по которой струилась кровь. С тех пор мы прожили вместе без малого десять лет. Сигунн оказывали почет и осыпали ее золотом. Она была хозяйкой моего дома и вот теперь пропала. Ее увез Кнут Ранулфсон, Кнут Длинный Меч.

— Это случилось три утра назад, — сообщил Осферт.

Осферт — бастард короля Альфреда. Родитель хотел сделать из него священника, но парень, хоть и обладал лицом и складом ума клирика, предпочел стать воином. Осферт был осторожен, сдержан, умен, надежен и редко выходил из себя. Он напоминал своего отца, и чем старше становился, тем больше усиливалось сходство.

— Значит, в воскресенье утром, — уныло заметил я.

— Господин, все были в церкви, — пояснил Осферт.

— Кроме Сигунн.

— Она не христианка, господин, — сказал он с упреком в голосе.

Финан, мой товарищ и человек, кому я поручал командовать войсками на время своего отсутствия, увел двадцать воинов на усиление свиты Этельфлэд, объезжавшей Мерсию. Она осматривала бурги, обороняющие Мерсию от данов, и наверняка молилась в церквях по дороге. Ее муж Этельред неохотно покидал убежище в Глевекестре, поэтому Этельфлэд выполняла его обязанности. У нее имелись свои воины, но я все-таки опасался за дочь Альфреда: угроза исходила не со стороны мерсийцев, обожавших госпожу, но от окружения ее супруга. Поэтому я настоял, чтобы она взяла Финана и двадцать человек. В отсутствие ирландца за оборону Фагранфорды отвечал Осферт. У него осталось шесть воинов для охраны дома, амбаров, конюшни и мельницы, и этих шести должно было хватить за глаза, потому как мое имение лежало вдалеке от земель, где правят даны.

— Господин, я виноват, — сказал Осферт.

— Шестерых было достаточно, — пробормотал я.

И все шестеро мертвы, как и Херрик, мой увечный управляющий, и еще трое слуг. Увели сорок или пятьдесят лошадей, дом сожгли. Стены частично стояли, ощерясь обгорелыми бревнами, но центральная часть здания превратилась в кучу дымящегося пепла. Даны нагрянули стремительно, взломали дверь, зарезали Херрика и всех, кто пытался сопротивляться, потом забрали Сигунн и ушли.

— Они знали, что вы все уйдете в церковь, — сказал я.

— Почему и пришли в воскресенье, — закончил мысль Ситрик, еще один из моих подручных.

— И знали, что ты не будешь на службе, — добавил Осферт.

— Сколько их было? — спросил я.

— Сорок или пятьдесят, — терпеливо ответил он.

Я задавал ему этот вопрос раз в десятый. Даны не стали бы предпринимать такой набег забавы ради. Близ их земель найдется достаточно саксонских поместий, но эти парни рискнули забраться вглубь Мерсии. Ради Сигунн? Для них она никто.

— Господин, враги приходили убить тебя, — произнес Осферт.

Но даны наверняка наперед разведали местность, переговорили с путниками и знали, что я постоянно держу при себе по меньшей мере двадцать воинов. Я предпочел не брать эти два десятка в Тофкестер, собираясь наказать того, кто раньше был моим наследником, потому что воину не требуется столько помощников, чтобы разобратся с кучкой попов. Мне в качестве спутников вполне хватило сына и мальчишки. Однако даны не могли ведать, что я буду в Тофкестере, — я сам не собирался туда, пока не услышал новость, что мой проклятый отпрыск решил заделаться христианским колдуном. И все же, вопреки опасности наткнуться на моих людей, Кнут Ранулфсон повел своих в долгий, бесцельный набег. Да, численный перевес в случае встречи оказался бы на его стороне, но Кнут потерял бы больше воинов, чем мог себе позволить. Длинный Меч — человек расчетливый, не склонный к опрометчивым поступкам. Полная бессмыслица.

— Ты уверен, что это был Кнут Ранулфсон? — спросил я у Осферта.

— Господин, у них было его знамя.

— Секира и перерубленный крест?

— Да, господин.

— А где отец Кутберт?

У меня есть священники. Я не христианин, но хватка распятого Бога такова, что большинство моих воинов

крещены. В те дни моим священником был Кутберт. Мне он нравился — сын каменщика, долговязый и нескладный, женат на вольноотпущеннице со странным именем Мехраза. То была смуглая красотка, плененная в какой-то диковинной стране на юге. В Британию ее привез работорговец, умерший от моего меча, и вот теперь Мехраза выла и стенала, что ее муж исчез.

— Почему его не было в церкви? — спросил я Осферта. Тот только пожал плечами. Я продолжил желчно: — Брюхатил Мехразу?

— А разве когда бывает иначе? — В голосе Осферта снова прозвучало неодобрение.

— Тогда куда он делся?

— Может, они забрали его? — предположил Ситрик.

— Эти скорее убьют священника, чем возьмут в плен, — возразил я.

Я направился к сгоревшему дому. Люди ковырялись в пепле, растаскивая обугленные, дымящиеся бревна. Быть может, тело Кутберта лежит под ними, черное и съезжившееся.

— Расскажи, что ты видел, — снова обратился я к Осферту.

Тот терпеливо повторил. Он был в церкви Фагранфорды, когда услышал крики со стороны усадьбы, расположенной неподалеку. Осферт выбежал из церкви и увидел, как в летнее небо поднимается первый дымок, но к моменту, когда ему удалось собрать людей и оседлать лошадь, враги ушли. Он последовал за ними, сумел разглядеть и уверен, что видел Сигунн среди всадников, облаченных в черные кольчуги.

— Господин, на ней было белое платье. То самое, которое тебе нравится.

— Но отца Кутберта ты не обнаружил?

— Он был в черном, как и большинство конников, поэтому я мог его не заметить. Ближе к нам подойти не удалось, даны мчались как ветер.

Среди золы обнаружили кости. Я миновал дверь старого дома, обозначенную обгоревшими столбами, и вдохнул запах горелой плоти. Отпихнув обугленную балку, заметил в пепле арфу. Почему она не сторела? Струны ссохлись до черных стручков, но рама выглядела целой. Я поднял инструмент, и теплое дерево попросту раскрошилось у меня в руках.

— Что случилось с Осликом? — спросил я.

Ослик был арфистом, поэтом, распевавшим боевые песни.

— Его убили, господин, — сказал Осферт.

Мехраза завывала еще громче. Она смотрела на кости, которые выгребали из золы.

— Вели ей заткнуться! — рявкнул я.

— Господин, это собачьи кости. — Крестьянин с граблями поклонился мне.

Домашние псы, которых так любила Сигунн. Мелкие терьеры, обученные истреблять крыс.

Крестьянин выудил из пепла оплавившееся серебряное блюдо.

— Они пришли не убить меня, — пробормотал я, глядя на маленькие грудные клетки терьеров.

— А зачем еще? — удивился Ситрик.

Ситрик был некогда моим слугой, а теперь стал дружинником, причем хорошим.

— Они пожаловали за Сигунн, — буркнул я, потому что не мог придумать иного объяснения.

— Но почему, лорд? Она ведь не твоя жена.

— Не жена. Но я люблю ее. Это значит, Кнуту что-то нужно.

— Кнут Длинный Меч, — с угрозой проговорил Ситрик.

Ситрик не был трусом. От Кьяртана, своего отца, Ситрик унаследовал искусство обращения с оружием. Воин стоял рядом со мной в «стене щитов», и я знал его

храбрость, но при имени Кнута голос его дрогнул. Неудивительно — Кнут Ранулфсон был легендой в землях, где правят даны. Худощавый мужчина с очень бледной кожей и волосами белыми, как кость, хотя совсем еще не старик. Думается, ему было лет под сорок — это довольно много, но волосы Кнута белы с самого рождения. Уродился он хитрым и безжалостным. Его меч, Ледяная Злость, вселял страх от северных островов до южного побережья Уэссекса, а слава привлекала дружинников, пересекавших моря, чтобы служить такому вождю. Он и его приятель Зигурд Торрсон — самые могущественные лорды данов в Нортумбрии. Они питали намерение сделаться таковыми для всей Британии, да только один недруг раз за разом давал им отпор.

И вот теперь Кнут Ранулфсон, Кнут Длинный Меч, этот самый опасный мечник в Британии, захватил женщину этого недруга.

— Ему нужно что-то, — повторил я.

— Ты? — спросил Осферт.

— Это мы узнаем, — проговорил я. И оказался прав.

То, чего хотел Кнут Ранулфсон, мы выяснили в тот вечер, когда отец Кутберт вернулся домой. Священника привез торговец пушниной — Кутберт сидел у него в фургоне. Предупредила нас Мехраза — ее вопль.

Я был в большом амбаре, который даны не успели спалить, а мы стали использовать как жилой дом, пока не построим новый. Я наблюдал, как работники складывают из камней очаг, а услышав крик, выбежал наружу и заметил подскакивающий на кочках фургон. Мехраза вцепилась в мужа, а Кутберт размахивал длинными костлявыми руками. Мехраза не умолкала.

— Тихо! — рявкнул я.

Мои люди выскочили вслед за мной. Торговец пушниной остановил фургон и при моем приближении рухнул на колени. Он сообщил, что нашел отца Кутберта на севере.

— Господин, священник был у Беоргфорда, у реки, — сообщил купец. — Они швырялись в него камнями.

— Кто швырялся камнями?

— Мальчишки, господин. Дети баловались.

Выходит, Кнут направился к тому броду и там, скорее всего, отпустил попа. Длинная ряса Кутберта была порвана и перепачкана, а бритый череп украшали багровые шишки.

— Как ты поступил с мальчишками?

— Просто разогнал, господин.

— Где он был?

— В камышах, лорд, у реки. Плакал.

— Отец Кутберт! — воскликнул я, подходя к фургону.

— Господин! Господин! — Священник протянул мне руку.

— Он не может плакать, — сказал я торговцу. — Осферт, дай этому человеку денег. — Потом снова обратился к купцу: — Мы накормим тебя и приютим на ночь лошадей.

— Господин! — проскулил отец Кутберт.

Я подошел к повозке и поднял попа. Тот был высоким, но на удивление легким.

— Стоять можешь? — спросил я его.

— Да, господин.

Я опустил священника на землю, придержал, потом отступил на шаг, давая Мехразе обнять мужа.

— Господин, — пробормотал он поверх плеча жены. — У меня послание.

Голос у него был такой, будто он плачет. Возможно, так оно и было, да только человек без глаз не может плакать. Тот, у кого вместо глаз две кровавые дыры, не льет слез. Слепленный и хотел бы заплакать, да не выйдет. Кнут Ранулфсон выдавил ему глаза.

* * *

Тэмворпиг — вот где я должен был встретиться с Кнутом Ранулфсоном.

СОДЕРЖАНИЕ

Географические названия	9
Часть первая. АББАТ	11
Часть вторая. «ПОЛУНОЧНАЯ»	71
Часть третья. СЛУХИ О ВОЙНЕ	161
Часть четвертая. ЛЕДЯНАЯ ЗЛОСТЬ	295
Историческая справка	378